

# ЭТЮД О КОШКАХ

**Все-таки в кошках есть что-то колдовское и магнетическое. Не случайно нити всяческих суеверий и легенд тянутся к этому на вид безобидному и вкрадчивому существу.**

И надо быть готовым: если тебе на ответственном пути, к примеру, на вокзал встретилось это пушистое создание природы, которое очень любит заглянуть встречному в глаза пристальным, немигающим взором, так и знай — что-то будет. Ну, а если кошки или хотя бы кошачьи призраки преследуют на каждом шагу, тогда только и остается уповать на судьбу.

Так и случилось. Первая кошка была встречена в моем собственном дворе, в чем, впрочем, не было ничего удивительного — этого добра у нас хоть отбавляй. Удивительным было другое: данная кошка ухитрилась юркнуть в приоткрытую дверцу автомобиля, хоть ее туда никто не приглашал, и затаиться в углу с таким нахальством, что выцарапать ее оттуда оказалось делом непростым. Второй кошке грозило быть затоптанной на платформе Ленинградского вокзала в Москве, куда привез меня поезд «Эстония», но почему-то снующая туда-сюда толпа обходила ее гораздо бережнее, чем старушку, тащившую неподъемный чемодан. Третья кошка явилась в образе секретарши директора одного из популярнейших московских театров и мяукающим тоном сообщила, что спектакль, на который мы приглашены, отменен по случаю того, что у актеров сегодня отгул. Только представительница семейства кошачьих могла, не моргнув глазом и не дрогнув сладким своим голосом, выдать подобный аргумент за чистую монету при том, что выхода данного спектакля театралы ожидали не один год.

Следующую кошку звали Марфой. Она оставила не только душевные воспоминания об этой московской командировке, но и вполне отчетливые следы на руке в виде глубоких царапин. Впоследствии оказалось, что эта мерзавка охраняла мою сумку, за которой я и протянула

вышеупомянутую руку, выходя из гостеприимного дома московских театральных критиков Рудаковых. Это объяснение мне было выдано вместе с йодом и не имеющим никакого отношения к полученной травме советом посмотреть привезенный из Вены мюзикл «Кошки», по которому в настоящий момент сходит с ума вся Москва. Лично я в этот момент сходила с ума от негодования, а рука опухала по контуру царапин и саднила от боли. За это я шуганула полосатую красавицу, которая встретила меня поздним вечером на улице Герцена: «Ах ты, дрянь! Исцарапала меня, а теперь гуляешь как ни в чем не бывало!». Ее перепуганная тень метнулась за памятник Чайковскому, а моя обомлевшая подруга робко заметила, что царапала меня совсем другая дрянь, и хотя лично она кошек не любит и заступаться за них не намерена, просто торжествовать всегда должна истина.

Вот такая длинная прелюдия к главному событию, подтверждающему тезис, что в кошках непременно наличествует нечто колдовское и магнетическое: началась кошками цепь событий — ими же и закончилась. Ну, а апофеозом московской кошачьей фантасмагории явилась встреча с огромным кошачьим племенем на сцене и в зале — они очень ловко скакали по спинкам кресел — Московского театра оперетты, где гастролирует Театр ан дер Вин из Австрии.

По «Кошкам» сходили с ума

в Лондоне, по «Кошкам» сходили с ума в Нью-Йорке, по «Кошкам» по сей день сходят с ума в Вене. Могут лишь подтвердить: безумие Москвы, которая сходила с ума по «Кошкам» на моих глазах, вполне оправданно. «Кошки» того стоят!

С тех пор, как молодой композитор Эндрю Ллойд Уэббер написал свою знаменитую оперу «Иисус Христос-суперзвезда», его имя вошло в историю театрального скандала, в котором вопли восторга так органично слились с оскорбительными выкриками, в результате чего популярность стала безграничной. По свидетельству критиков, Уэббера по сей день возносят до небес и низвергают в пучину подражательства, сравнивают с великими Доницетти и Пуччини и обвиняют в плагиате. Это не мешает сорокалетнему композитору относиться к ярлыкам и этикеткам с улыбкой и терпением отнюдь не великомученика, но человека, познавшего успех.

На долгие годы его «Кошки» стали музыкальным хитом. Когда впервые в истории на Бродвее шли одновременно три мюзикла одного композитора — «Эвита», «Июсиф Прекрасный» и «Кошки» — одно это уже стало огромным событием в театральном мире. Но «Кошки» еще и получили очень престижную премию «Тони Авард», — причем не одну, а целых семь! — за лучший мюзикл, лучший сценарий, лучшие костюмы, лучшую режиссуру и так далее, и так далее. В прошлом году этот

спектакль был поставлен в Метрополитен-опера. О нем мечтают очень многие театры мира, но, как объясняют знатоки, не каждой труппе по карману эти «милые и неприхотливые животные»: «Кошки», в которых занято много участников, которые требуют уникальной сценографии и искуснейшего светового решения, считаются самой дорогой музыкальной продукцией всех времен.

Хотя с тех пор, когда первый приступ «кошачьей лихорадки» случился в Вене, на премьере в Театре ан дер Вин зрители аплодировали стоя 20 минут, прошло пять лет. Но до сих пор попасть на этот спектакль в столице Австрии невозможно. К слову сказать, билеты в театр «Маджестик» на Бродвее, где уже два года идет новый мюзикл Уэббера «Приведения в опере», проданы до 1989 года: композитора по-прежнему сопровождает ошеломительный успех, как бы старательно ни приклеивали ему ярлыки.

Что касается «Кошек», показанных в Москве Театром ан дер Вин, то они, безусловно, пленительны. Спектакль, в основу которого легли очень известные в Англии «кошачьи стихи» лауреата Нобелевской премии Томаса Стернза Элиота, прежде всего поражает зрелищностью. Трудно передать, насколько отточена, утончена и изобретательна его хореография, которой правит бьющая через край страстность. Но еще труднее описать словами поистине во-

шебную игру света, когда мириады вспыхивающих огней, мгновенно меняющих свой цвет и причудливую вязь сложнейшего рисунка, обращают происходящее на сцене события в феерию поистине фантастическую. И у завороженных зрителей возникает полное ощущение оторванности от реальной жизни, рождается иллюзия собственной растворенности в совершенно непознанном пространстве, где властвует сверхъестественная сила.

Наверное, это впечатление усиливается еще и оттого, что музыка Уэббера очень эмоциональна и созвучна спонтанным переживаниям человеческой души, меж тем как сюжет спектакля весьма прост и не требует углубленного осмысления. Действие происходит на задворках Лондона. Удивительно точно и символично передает сценография этот обобщенный образ городской свалки, на которой соседствуют самые неожиданные вещи и предметы. И отнюдь не сразу читаются эти атрибуты, создающие образное единство, — постепенно взгляд вычленивает то одно, то другое, тут же отвлекается на что-то постороннее сценографии — танец, вокальную партию или «световое представление» — и внезапно вновь возвращается к следующей детали. И так — на протяжении всего спектакля. Так вот, на лондонской свалке раз в году постоянные ее обитатели — кошки — устраивают грандиозный праздник. На этом празднике кошачий предводитель Старый Дойтеронимус проводит выборы. А выбирается счастливчик, которому будет дарована вторая жизнь. Со всеми ее потерями, обретениями, упоительной радостью и горьким разочарованием, наивной верой и мудрым осмыслением пройденного пути. Разумеется, далеко не каждый может стать счастли-

вым избранником. Но претендент должен рассказать свою жизнь, поведать ее собравшимся так, чтобы стать интересным, чтобы его исповедь оказалась самой уникальной. И на сцене разыгрывается кошачья вакханалия, в которой каждый участник стремится превзойти соперников и самое себя. Так рождается зрелище, в котором трагическое тесно переплетено с комическим, грустное с веселым, радостное со злобствующим, — словом, все, как в нормальной человеческой, простите, кошачьей жизни. А побеждает в этой борьбе Гризабелла, старая, ободранная кошка, по всему видно, прошедшая огни, воду и медные трубы своей запутанной кошачьей судьбы. Гризабелла, у которой был в жизни и блистательный женский успех, и некогда любимая уверенность, что жизнь обернется нескончаемым балом, и пугающее одиночество, и ощущение, что путь пройден до конца, и желание приткнуться к близкому существу, и надежда найти опору. Гризабелла, которая бывала на своем веку и желанной, и отвергнутой. Потеряв в неравных битвах лоск и пушистость шерсти, она сохранила теплое сердце, наполненное верой. Ей и даруется это самое нелегкое счастье — пройти все снова, прожить вторую жизнь.

Все-таки в кошках есть что-то колдовское. Ведь не случайно именно они, а не какие-нибудь другие «милые и неприхотливые животные» стали героями потрясающего зрелища, в котором житейская мудрость так тесно сливается с невообразимым волшебством, что уже перестает ощущать ту границу, где космос души отрывается от быта и становится собственно космосом.

Элла АГРАНОВСКАЯ.  
ТАЛЛИН — МОСКВА.